

**А.О. Турцевич**

**Русские крестьяне под владычеством Литвы  
и Польши**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
А11

А11 **А.О. Турцевич**  
Русские крестьяне под владычеством Литвы и Польши / А.О. Турцевич – М.: Книга по Требованию, 2017. – 78 с.

**ISBN 978-5-458-11262-8**

Краткий исторический очерк, составил Арсений Турцевич. Впервые очерк под названием "Русские крестьяне под владычеством Литвы и Польши" был напечатан в 1908 году в Виленском журнале "Крестьянин". В настоящем, отдельном издании этот очерк не только дополнен, но и совершенно переработан автором.

**ISBN 978-5-458-11262-8**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2017  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



## I.

Характеръ русскихъ земель во время присоединенія ихъ къ Литвѣ.—Раздѣленіе крестьянъ на группы. — Данники. — Ихъ общественный бытъ. — Копный судъ. — Заключение.

Западная Русь вошла въ составъ великаго княжества Литовскаго въ XIII—XIV вѣкахъ. Въ это время она стояла гораздо выше Литвы какъ по своему политическому, такъ и по своему гражданскому развитію. „Это были старинныя русскія земли“, говоритъ одинъ историкъ, „населеніе которыхъ до литовскаго владычества сплотилось въ довольно крѣпкіе политическіе союзы, привыкло къ политической самодѣятельности при князьяхъ Рюрикова дома, приобрѣло любовь къ мѣстной самостоятельности и привязалось къ мѣстной старинѣ. Это были тѣ земли, про которыя еще лѣтописецъ второй половины XII вѣка сказалъ, что онѣ „якоже на думу, на вѣча сходятся, на что же старѣйшии сдумають, на томъ же пригороди стануть“ <sup>1)</sup>. Въ такихъ земляхъ литовскіе князья, не обладавшіе хорошо организованной администраціей, не могли нарушить старины и поневолѣ должны были оставить прежній общественный строй, поэтому всѣ классы населенія, а въ томъ числѣ и крестьяне, сохранили здѣсь всѣ тѣ права, какими они пользовались подъ властью своихъ русскихъ князей.

Насколько можно судить по нѣкоторымъ документамъ, западно-русскіе крестьяне въ первые вѣка литовскаго владычества подраздѣлялись на слѣдующія группы:

1. **Данники.** Они были вольными земледѣльцами. Положеніе данниковъ прежде всего опредѣлялось данью, которая была главною повинностью ихъ, независимо отъ того, сидѣли ли они на княжеской землѣ или на частной. Данники пользовались правомъ выхода, по выполненіи, конечно, извѣстныхъ формальностей.

2. **Слободичи** (извѣстные также подъ названіемъ людей захожихъ, похожихъ, прихожихъ, слободниковъ или вольниковъ). Они

---

<sup>1)</sup> *Профес. М. Любавскій:* „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Русскаго государства ко времени изданія перваго Литовскаго статута“, стр. 26.

были людьми свободными и снимали по контракту участки земли у частныхъ землевладѣльцевъ, которымъ князья жаловали пустоши съ правомъ „людей на новомъ корнѣ посадить“.

3. **Отчичи.** Главной повинностью отчичей была барщина: они должны были ходить на господское дѣло съ серпомъ, косою, топоромъ. Отчичи были прикрѣплены къ землѣ, почему поступали въ продажу и въ раздѣлъ по наслѣдству вмѣстѣ съ землею, на которой сидѣли. Отчичи не могли сходить съ земли, и господинъ могъ искать ихъ и ихъ дѣтей неопредѣленное число лѣтъ <sup>1)</sup>).

4. **Закупни, или закладни,** т. е. люди, поступившіе во временное рабство въ уплату долга. При отсутствіи въ то время правильно устроенной власти, число лицъ, закладывавшихся за кого-либо съ цѣлью пріобрѣсть себѣ защиту и покровительство, было довольно значительно. Условія закупничества опредѣлялись въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взаимнымъ договоромъ, но по закону закупни считались людьми свободными.

5. **Невольная челядь, или холопы.** Невольная челядь составляла единственное совершенно безправное крестьянское сословіе. Въ это состояніе свободные люди могли попадать по слѣдующимъ причинамъ: военно-плѣнные, рожденные отъ рабовъ, выданные по суду истцу за преступленіе и вступившіе въ бракъ завѣдомо съ лицомъ, состоящимъ въ рабствѣ. Челядинъ, посаженный на землѣ, тѣмъ самымъ превращался въ тяглаго отчича <sup>2)</sup>).

Изъ всѣхъ перечисленныхъ группъ крестьянскаго населенія самую многочисленную составляли данники. Это несомнѣнно были вольные люди. „Западно-русскій данникъ“, говоритъ профессоръ

---

<sup>1)</sup> Профессоръ Любавскій говоритъ, что отчичи могли покидать свои участки, если имъ удавалось посадить вмѣсто себя другихъ, соглашавшихся нести ту же службу. („Областное дѣленіе“, стр. 376).

<sup>2)</sup> О раздѣленіи крестьянъ на группы см. сочиненія: 1) *М. Довнаръ-Запольскій*: „Очерки по организаціи западно-русскихъ крестьянъ въ XVI в.“, стр. 142, 146, 148, 299 и др.; 2) *В. Б. Антоновичъ*: „Архивъ Юго-Западной Россіи“, ч. VI, т. II, предисл., стр. 11—15; 3) *Ив. Новицкій*: „Архивъ Юго-Западной Россіи“, ч. VI, т. I, предисл., стр. 52—53, а также проф. *Леонтовичъ*: „Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ“ и проф. *Любавскій*: „Областное дѣленіе“ и „Очерки исторіи Литовско-Русскаго государства“.

Довнаръ-Запольскій, „является непосредственнымъ преемникомъ древне-русскаго свободнаго смерда и въ своемъ быту, въ своихъ отношеніяхъ къ владѣльцу земли, въ своихъ даняхъ, въ экономическомъ строѣ, главнымъ образомъ выражавшемся въ добываніи „скры и меду“, въ устройствѣ волостного и сельскаго быта сохранилъ глубоко-архаичныя особенности“<sup>1)</sup>. Данники жили сельскими общинами. Хотя земля признавалась собственностью князя, но каждая община имѣла въ своемъ непосредственномъ владѣніи определенное количество пахатной земли и разныхъ угодій, которыми распоряжалась самостоятельно. Одна часть пахатной земли и всѣ угодья, какъ лѣсъ, выгонъ, бортныя земли, бобрвыя гоны, находились въ общемъ владѣніи; другая часть пахатной земли дѣлилась на участки, извѣстные подъ именемъ отчинъ. Отчинами владѣли отдѣльные домохозяева на правахъ личной собственности и могли ихъ продавать, обмѣнивать, передавать по наслѣдству, отдавать въ залогъ и т. п.<sup>2)</sup> Каждая сельская община пользовалась извѣстнымъ самоуправленіемъ. Во главѣ такой общины стоялъ выборный старецъ, какъ постоянный блюститель общинныхъ интересовъ. Община сама производила разрубъ (раскладку) податей и повинностей, которыя на нее налагались общею суммою<sup>3)</sup>. Кроме того, община имѣла свой собственный судъ, извѣстный подъ именемъ копнаго суда.

К о п о й называлось народное собраніе изъ домохозяевъ нѣсколькихъ сосѣднихъ селеній, составлявшихъ сельскую общину. Эти домохозяева носили названіе сходатаевъ, копныхъ судей и др. К о п а собиралась въ центральномъ мѣстѣ сельской общины, которая

---

<sup>1)</sup> „Очеркъ по организаціи з.-р. крестьянъ“, стр. 297.

<sup>2)</sup> Г. Новицкій высказываетъ мысль, что землевладѣльческія права крестьянъ были одинаковы съ правами высшихъ сословій (Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. I, стр. 12, 13, 15, 29), а профессоръ Любавскій, хотя и не соглашается съ мнѣніемъ г. Новицкаго, но въ свою очередь признаетъ, что „крестьяне имѣли свои владѣльческія права, но эти права осуществлялись не въ ихъ отношеніи къ господарю или своимъ панамъ, а въ отношеніяхъ другъ къ другу и къ другимъ владѣльцамъ“. („Област. дѣл.“, стр. 408).

<sup>3)</sup> Подробности объ общинномъ бытѣ данниковъ см. въ соч. Довнаръ-Запольскаго: „Очерки по организ. з.-р. крест.“, стр. 57—149 и др.

называлась коповищемъ или копищемъ, и занималась изслѣдованіемъ и рѣшеніемъ дѣлъ подъ открытымъ небомъ. Для изслѣдованія дѣлъ уголовныхъ копа собиралась на мѣстѣ преступленія: въ дубравѣ, въ бору, подъ горой; если нужно было рѣшить споръ о поземельной собственности, то копа собиралась на спорной землѣ; а когда въ округѣ общины оказывался трупъ убитаго человѣка, то копа собиралась въ томъ мѣстѣ, гдѣ находился трупъ. Копа производила судъ и расправу по стародавнимъ обычаямъ. Допрашиваемаго нерѣдко подвергали пыткѣ, т. е. его сѣкли прутьями и жгли огнемъ. Приговоръ постановлялся общимъ голосомъ всѣхъ сходатаевъ. Въ случаѣ присужденія обвиняемаго къ смертной казни, палачъ совершалъ казнь въ присутствіи копы, но истецъ имѣлъ право окончить дѣло добровольнымъ соглашеніемъ; тогда преступникъ освобождался отъ всякаго наказанія. Вѣдомству копы подлежали всѣ лица простого сословія, имѣвшія свою осѣдлость въ округѣ сельской общины, а именно: крестьяне королевскіе, помѣщичьи, монастырскіе и церковные, свободные поселенцы и мѣщане городовъ, не пользовавшіеся магдебургскимъ правомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ власть копы простиралась и на самихъ помѣщиковъ. По окончаніи суда копа отправляла въ урядъ гродскій депутатовъ, которые вмѣстѣ съ вознымъ излагали дѣло и объявляли рѣшеніе для внесенія въ гродскія книги <sup>1)</sup>).

Такимъ образомъ западно-русскіе крестьяне, за немногими исключеніями, въ древнѣйшую эпоху были людьми свободными, владѣли поземельною собственностью, даже съ правомъ отчужденія своихъ участковъ постороннимъ лицамъ, сами завѣдывали раскладкой податей, имѣли свой судъ и вообще пользовались довольно значительнымъ самоуправленіемъ. Но такое положеніе западно-русскихъ крестьянъ съ начала XV вѣка стало измѣняться, чему не мало способствовала Польша.

---

<sup>1)</sup> См. соч. *Н. Д. Иванничева*: „О древнихъ сельскихъ общинахъ въ Юго-Западной Россіи“.

## II.

Объединеніе Литвы съ Польшей при Ягайлѣ. — Положеніе польскихъ крестьянъ. — Постепенное закрѣпощеніе западно-русскихъ крестьянъ. — Утрата крестьянами права землевладѣнія и суда. — Панскій судъ. — Юридическое положеніе западно-русскихъ крестьянъ послѣ Люблинской уни. — Религіозныя преслѣдованія.

Въ 1386 году великій князь литовскій Ягайло женился на польской королевѣ Ядвига и, сдѣлавшись польскимъ королемъ, соединилъ подъ своею властью Литву съ Польшей. Хотя Литва вскорѣ получила своего особаго князя, и успѣла сохранить свою самостоятельность, но съ этого времени она подверглась сильному вліянію Польши и стала постепенно заводить у себя польскіе порядки, которые прежде всего отразились на взаимныхъ отношеніяхъ землевладѣльцевъ и сельскаго населенія. Дѣло въ томъ, что польскіе крестьяне въ это время уже находились въ полномъ подчиненіи у шляхты, или дворянъ. „Исторія развитія крестьянскихъ отношеній въ Польшѣ“, говоритъ В. М. Мякотинъ, „въ общихъ чертахъ была слѣдующая: общинное устройство и землевладѣніе въ первоначальномъ періодѣ, разрушеніе этого строя въ исторической періодъ уже къ XII и XIII вѣку, установленіе впервые прикрѣпленія къ XIV столѣтіи въ пользу шляхты и духовенства, уже раньше добывшихъ себѣ право суда надъ поселившимися на ихъ земляхъ крестьянами, достиженіе шляхтой господства въ странѣ и, подъ вліяніемъ этого господства, окончательное закрѣпощеніе кметей къ концу XV вѣка“. Далѣе г. Мякотинъ устанавливаетъ, что въ XVI вѣкѣ польскіе крестьяне уже слились въ одинъ классъ крѣпостныхъ, окончательно утратили всѣ личныя и гражданскія права и сдѣлались полною и безусловной собственностью своихъ владѣльцевъ <sup>1)</sup>).

Такое рабское состояніе польскихъ крестьянъ не могло не отразиться на положеніи ихъ западно-русскихъ собратьевъ, такъ какъ съ Литвѣ и Польшѣ, вслѣдствіе ихъ сближенія, довольно скоро началъ устанавливаться одинаковый общественный строй. Дѣйствительно, по мѣрѣ распространенія въ Литвѣ польскаго шляхетскаго права, распространялось здѣсь и закрѣпощеніе разныхъ группъ

---

<sup>1)</sup> „Крестьянскій вопросъ въ Польшѣ въ эпоху ея раздѣловъ“, стр. 61.

крестьянскаго населенія. Такъ, уже въ 1457 году польскій король Казимиръ IV издалъ привилей, которымъ запрещалось перезывать поселенцевъ съ частныхъ имѣній на велико-княжескія и обратно<sup>1)</sup>. Въ то же время частные землевладѣльцы и княжеская администрація, не обращая вниманія на законы, всѣми силами стали стремиться къ закрѣпощенію не только свободныхъ крестьянъ, но даже и мелкаго дворянства, которое не успѣло стать въ ряды полновластной шляхты. „Помѣщикъ или господарскій державца“, говоритъ профессоръ Довнаръ-Запольскій, „подстерегалъ вольнаго челоувѣка или боярина, чтобы обратить его въ тяглеца. Суды завалены массаами дѣлъ о „привлащеніи“ похожихъ и бояръ въ отчичей. Стоило боярину „пріубожать“, или снять сосѣднюю тяглую землю, пропустить одну другую земскую военную службу или военный попись, какъ сейчасъ же къ нему предъявляется искъ о „приверненіи“ въ тягло; стоило свободному челоувѣку взяться за тягло, выйти на господарскую работу, хотя бы даже по условію съ землевладѣльцемъ взаимѣнъ какой нибудь службы, свойственной свободному (наприм. взаимѣнъ военной), и это служить доказательствомъ для прикрѣпленія; свободный челоувѣкъ могъ также случайно „замолчать“ при какихъ нибудь сдѣлкахъ на землю о своей свободѣ,—и его постигалъ тотъ же результатъ; очень часто задолжавшій крестьянинъ добровольно переходилъ въ разрядъ отчичей, равно какъ и челоувѣкъ, выданный „шією“ истцу на казнь за преступленіе или вслѣдствіе неуплаты судебного штрафа. Жизнь становится очень трудной, охрана свободы приноситъ тяжелую борьбу, бѣдность, угнетеніе; поэтому усиливается закладничество и закупничество, но и оно быстро переходитъ въ тяглое состояніе. Къ закладнямъ и закупнямъ предъявляются аналогичные иски объ обращеніи въ отчичей; бѣглый должникъ возвращается заимодавцу, по Статуту 1529 года „не мней, яко отчичъ“, т. е. можетъ быть обращенъ и въ рабство<sup>2)</sup>... Кромѣ этой частной борьбы между двумя элементами, про-

---

1) М. Ф. Владимірскій-Будановъ: „Христоматія по исторіи русскаго права“, вып. II, стр. 31.

2) Литовск. Статутъ 1529 г., раздѣлъ VIII, артикулъ 20.

исходившей въ предѣлахъ каждаго владѣнія, землевладѣльцы цѣлыхъ областей издавали постановленія, клонившіяся къ затрудненію арендныхъ условій для свободныхъ крестьянъ, къ однообразію этихъ условій“<sup>1)</sup>. Особенно быстро шло закрѣпощеніе крестьянъ по судебнымъ рѣшеніямъ о „засѣдѣлости“, или давности поселенія. Сначала судъ въ такихъ случаяхъ рѣшалъ дѣла по своему произволу, безъ всякаго законнаго основанія, но Статутомъ 1588 года постановлено было, что если слободичъ проживалъ въ имѣніи одного и того же владѣльца десятилѣтній срокъ, то онъ лишался права выхода<sup>2)</sup>. „Эта статья Статута“, говоритъ г. Довнаръ-Запольскій, „должна быть разсматриваема, какъ заключительная стадія въ исторіи свободного крестьянства“<sup>3)</sup>.

Вмѣстѣ съ лишеніемъ свободы, крестьяне лишаются права участія въ землевладѣніи, которое и дѣлается исключительно шляхетскою привилегіею. Такъ, относительно опредѣленія права собственности на бортныя деревья, проданныя или отданныя крестьянами въ приданое въ чужое село, Статутъ 1566 года добавляетъ слѣдующія знаменательныя слова: „И вже отъ того часу хто бы съ подданныхъ нашихъ князскихъ, панскихъ и земянскихъ дерево бортное за границу пановъ своихъ отдавалъ, даровалъ и якимъ кольвекъ обычаемъ въ чужія руки заводилъ, таковый маеть горломъ каранъ быти“, т. е. подвергался смертной казни<sup>4)</sup>.

<sup>1)</sup> „Очерки по организаціи западно-русскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ“, стр. 304—305.

<sup>2)</sup> Литовскій Статутъ 1588 года, раздѣлы VII, IX, XII.

<sup>3)</sup> „Очерки по организаціи западно-русскихъ крестьянъ въ XVI вѣкѣ“, стр. 304.

Закрѣпощенію западно-русскихъ свободныхъ крестьянъ отчасти способствовалъ переломъ въ экономической жизни страны, потребовавшій выработки новыхъ условій рабочаго труда, но не подлежитъ никакому сомнѣнію вліяніе въ данномъ случаѣ и Польши. „Нельзя также отрицать“, говоритъ проф. Леонтовичъ, „внѣшнихъ вліяній на организацію тягловыхъ отношеній литовско-русскихъ крестьянъ, главнымъ образомъ, со стороны западныхъ сосѣдей, въ особенности со времени первыхъ опытовъ польско-литовской уніи и колонизаціи края, вмѣстѣ съ развитіемъ шляхетскихъ вольностей и распространеніемъ въ Литвѣ-Руси польско-нѣмецкой вольной системы сельскаго хозяйства“. („Крестьянскій дворъ въ Литовско-Русскомъ государствѣ“. Журн. Мин. Народн. Просв., 1897 г., апрѣль, стр. 415).

<sup>4)</sup> Лит. Ст. 1566 г., раздѣлъ X, артикуль 6.

Наконецъ, крестьяне лишаются своего собственнаго суда и подчиняются суду своего пана, не исключая даже и обвиненія въ такихъ преступленіяхъ, за которыя полагалась смертная казнь <sup>1)</sup>. Всего важнѣе было то постановленіе, по которому совмѣстные владѣльцы нераздѣльныхъ имѣній получали право суда надъ крестьянами не только сообща, но и каждый въ отдѣльности, и притомъ какъ по жалобамъ третьихъ лицъ, такъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда обвинителемъ или истцомъ являлся тотъ именно изъ участниковъ общаго владѣнія, которому предстояло творить судъ и расправу <sup>2)</sup>. „Такимъ образомъ произволу владѣльца“, говоритъ г. Новицкій, „который въ одно и то же время являлся и заинтересованною стороною, и судьей, и представителемъ власти исполнительной, представлялся полнѣйшій просторъ, а крестьянинъ, лишенный всякой гарантіи и покровительства закона, тѣмъ самымъ приближался къ положенію раба“ <sup>3)</sup>. Впрочемъ, въ болѣе важныхъ дѣлахъ помѣщикъ обязанъ былъ приглашать къ участию въ судѣ постороннихъ шляхтичей, своихъ пріятелей, отчего этотъ судъ назывался пріятельскимъ. Но и пріятельскій судъ не ограничивалъ произвола владѣльцевъ. „Иные паны“, говоритъ вышеназванный авторъ г. Новицкій, „опираясь на право по закону или еще проще на свою силу, творили подобіе суда самоуправно, пытая безъ всякаго повода чужихъ крестьянъ, заставляя ихъ пыtkою взводить на себя преступленія, предавая казни невиновныхъ обвиняемыхъ или попросту вѣшая безъ суда чужихъ подданныхъ изъ-за какого-нибудь сосѣдскаго спора, съ оставленіемъ при этомъ висѣлицъ по дорогамъ и селамъ въ видѣ предупрежденія и угрозы жителямъ послѣднихъ“ <sup>4)</sup>. Самоуправству шляхтичей не мало спо-

---

<sup>1)</sup> Въ 1387 году великій князь литовскій Ягайло освободилъ отъ общаго суда имѣнія, пожалованныя католическому духовенству, а въ 1457 году польскій король Казимиръ IV тоже самое сдѣлалъ и по отношенію къ имѣніямъ шляхетскимъ, но окончательное установленіе владѣльческаго суда относится къ концу XV и началу XVI вѣка (*Новицкій*: „Архивъ Юго-Западной Россіи, ч. VI, т. I, предисловіе, стр. 17—19).

<sup>2)</sup> Литовскій Статутъ 1529 года, раздѣлъ VI, артикуль 32.

<sup>3)</sup> „Арх. Юго-Зап. Россіи“, ч. VI, т. I, предисловіе, стр. 56.

<sup>4)</sup> *Ibid.*, стр. 88.

собствовалъ законъ объ убійствахъ ими чужихъ крестьянъ. Въ древнѣйшее время, по Статутамъ 1529 и 1566 годовъ, шляхтичъ ограничивался за убійство чужого крестьянина лишь уплатой его пану головщины, или вознагражденія, и только въ концѣ XVI вѣка, по Статуту 1588 года, виновный въ убійствѣ шляхтичъ подвергался и смертной казни. Но послѣдняя была обставлена такими условіями, что шляхтичъ всегда могъ избѣжать ея. Такъ, въ этомъ же статутѣ сказано, что за убійство простолюдина шляхтичъ подвергается смертной казни только при поимкѣ его на самомъ преступленіи и, кромѣ того, когда обвиненіе будетъ подтверждено присягою истца самъ-семь, т. е. шестью свидѣтелями, людьми честными, неподозрительными и достойными вѣры, при чемъ въ числѣ свидѣтелей должны быть непременно два шляхтича. При отсутствіи такихъ условій обвиняемый или освобождался отъ всякаго наказанія или только платилъ головщину. Съ другой стороны, шляхтичъ могъ сложить съ себя всякое обвиненіе только присягою самъ треть съ двумя шляхтичами или простолюдинами <sup>1)</sup>. Вообще обвиненія въ убійствѣ крестьянъ для шляхтичей были совершенно не опасны, и они нерѣдко отвѣчали на такія обвиненія въ шутовскомъ тонѣ. Такъ, панъ Михаилъ Ласко, на упрекъ въ самоуправствѣ, отвѣчалъ: „Кто безвинно велѣлъ умертвить боярина Евхима, тотъ за него хорошо заплатитъ; а велѣлъ я его повѣсить потому, что онъ былъ въ то время моимъ крестьяниномъ“. Точно также отвѣчала и княгиня Настасья Козечина на вопросъ о безвинномъ истязаніи ею на пыткѣ крестьянина, принадлежавшаго князю Роману Сангушкѣ: „Я его казала змучити, яжъ его и заплачу“ <sup>2)</sup>.

Въ 1569 году, по Люблинской уніи, произошло окончательное соединеніе Литвы съ Польшей въ одно государство съ однимъ королемъ, общимъ сеймомъ и общимъ сенатомъ. Къ этому времени литовско-русскіе дворяне, подобно польской шляхтѣ, уже вполнѣ

---

<sup>1)</sup> Литовскій Статутъ 1588 г., раздѣлъ XII, артикулъ 1, 3.

<sup>2)</sup> „Архивъ Юго-Западной Россіи“, ч. VI, т. I, предисловіе, стр. 89.

упрочили свое положеніе, какъ привилегированнаго сословія, и поставили въ полную зависимость отъ себя крестьянъ, получившихъ унизительное названіе хлопъвъ. Подтвержденіемъ этого можетъ служить конституція Варшавской генеральной конфедераціи 1573 года. Въ этой конституціи шляхта даетъ обѣтъ не преслѣдовать другъ друга за разногласіе по дѣламъ вѣры и потомъ прибавляетъ: „однако конституція сія не должна нисколько нарушать власти надъ подданными какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ пановъ, ни ослаблять должнаго повиновенія панамъ ихъ подданныхъ; напротивъ того, если бы гдѣ-либо возникло своеволие подъ предлогомъ разногласія вѣры, то въ такомъ случаѣ каждый панъ будетъ имѣть и впредь право, которое всегда имѣлъ, наказать по своему усмотрѣнію всякаго подданнаго, неповинующагося ему какъ въ свѣтскомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи“ <sup>1)</sup>. Польскій историкъ Корзонъ такъ объясняетъ значеніе приведенной конституціи: „Въ этомъ параграфѣ заключалась отдача головы крестьянина, права надъ его жизнью и смертью (*jus vitae et necis*) въ руки его пана, т. е. въ руки cadaго шляхтича-владѣльца. Въ Литвѣ вмѣсто одного великаго князя Ягеллона; неограниченно распоряжавшагося кровью подданныхъ всѣхъ сословіи, внезапно появились десятки тысячъ такихъ великихъ князей надъ однимъ крестьянскимъ сословіемъ. Вмѣсто княжескаго государственнаго суда для крестьянъ отнынѣ существовалъ только дворный судъ, патримоніальная юрисдикція съ самымъ высшимъ приговоромъ владѣльца. Послѣдствіемъ такого общественнаго переворота должно было явиться невольничество земледѣльческаго люда, какого мы нынѣ не видимъ ни въ одномъ цивилизованномъ обществѣ со временъ освобожденія негровъ изъ подѣ власти плантаторовъ въ Америкѣ“ <sup>2)</sup>. Въ такомъ положеніи крестьяне находились и въ послѣдующіе вѣка. Польскій юристъ XVIII вѣка Островскій такъ опредѣляетъ юридическое положеніе крѣпостныхъ людей его времени: 1) подданные не только сами, но и съ потомствомъ принадлежатъ владѣльцу; послѣдній имѣетъ

---

<sup>1)</sup> *Volumina legum*, т. II, стр. 124.

<sup>2)</sup> *Корзонъ*: „*Kosciusako*“, стр. 64.